

УДК 808.2-01

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРИЁМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Долгова

*Кандидат филологических наук, сотрудник Академии ФСО России
e-mail: elenadolg76@mail.ru*

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (г. Орел)

В статье рассматриваются способы манипулятивного воздействия на восприятие реципиента мировых новостей и событий в дискурсе информационной войны на примере освещения войны на Украине и связанных с ней событий англоязычными электронными изданиями и информационными агентствами. Автором уточняется определение понятия «информационная война» с точки зрения лингвистического подхода, акцентируется внимание на средствах информационной войны, задействованных в медиадискурсе. Автором анализируются процессы концептуализации реальности, маркируемые в дискурсе информационной войны посредством использования лингвистических механизмов. Особое внимание уделено коммуникативным приёмам манипулятивного воздействия. Результаты исследования могут быть использованы в рамках решения практических задач филологии, политологии, а также в качестве эмпирического материала при освоении ряда дисциплин медиажурналистики.

***Ключевые слова:** медиатекст, информационная война, языковое манипулирование, коммуникативный приём, дискурс информационной войны.*

Введение.

XXI век ознаменован бурным развитием информационных технологий и коммуникаций наряду с величайшими разрушениями в истории человечества, стиранием исторической памяти. Мировые войны, идеологические столкновения на расовой и религиозной почве, многочисленные региональные конфликты, энергетические и продовольственные кризисы, гражданские беспорядки, «цветные революции», смена режимов глобально продемонстрировали последствия беспрецедентного влияния институтов власти и государственных структур отдельных стран, обозначив человеческое общество как небезопасное и хрупкое образование.

Более того, управление коммуникациями, пропаганда, манипулирование в медийном пространстве при формировании общественного мнения и социальная инженерия стали зачастую более разрушительным и смертоносным оружием, чем танки или ракеты. Нельзя не признать дальновидность высказываний Линда о том, что «психологические операции могут стать доминирующим оперативным и

стратегическим оружием в виде медийного вмешательства ... Телевизионные новости могут стать более мощным оперативным оружием, чем бронетанковые дивизии» [Lind 1989: 26].

Этим очень конкретным высказыванием Линд, в сущности, положил начало явлению, которое сегодня признано гибридной концепцией конфликта.

Несомненно, именно глобализационные процессы являются основным предметом для понимания отношений на международной арене, а также имплицитным драйвером, оказывающим влияние на современные вызовы безопасности. Следует отметить, что геополитическая среда под влиянием глобализации трансформировалась в пространство, заполненное столкновением амбиций и различных интересов, в том числе и негосударственных институтов власти. Эти группы, облечённые властью, намерены добиваться своих интересов с помощью инструментов мягкой и жесткой силы, при содействии государственных, международных или неправительственных организаций, что зачастую приводит к возникновению конфликтов. К отличительным чертам современных глобальных конфликтов следует отнести высокую интенсивность и специфические формы воздействия.

Последние исследования, посвящённые рассмотрению социальных и языковых аспектов непосредственно медиадискурса, отмечают тот факт, что лингвистическое разнообразие в этом дискурсе часто формирует специфический взгляд, создавая предпочтительные социальные реалии для достижения конкретных целей или с учётом личной заинтересованности. Несомненно, медиадискурс влияет на общественное мнение, конструируя значения и смыслы и имплицитно оказывая воздействие и формируя картину мира реципиента. Рассмотрение реорганизации и трансформации новостных материалов с помощью медиадискурса, безусловно, актуально, так как может дать понимание того, какие процессы задействованы в дискурсе информационной войны как разновидности медиадискурса для построения и отражения реальности.

Материалы и методы.

В данной статье предпринимается попытка описания способов воздействия на восприятие читателями мировых новостей и событий в дискурсе информационной войны на примере освещения войны на Украине и связанных с ней событий зарубежными медийными источниками. В качестве эмпирического материала привлечены медиатексты заданной тематики зарубежных международных новостных агентств, каналов и сетевых изданий «Sinhua», «Aljazeera», «Associated Press», «The Guardian».

Многогранность понятия «информационная война» определяет необходимость использования мультидисциплинарного подхода при его

рассмотрении. В данном случае при анализе манипулятивных приёмов информационного воздействия были привлечены методы дискурсивного и концептуального анализа, метод прагматической интерпретации.

Вследствие значительной роли дискурсивной компоненты при анализе медиатекстов на данном этапе развития научной мысли количество работ, направленных на рассмотрение этой проблематики, неуклонно растёт. Представители различных научных направлений уделяют данному вопросу пристальное внимание, определяя междисциплинарный характер изучаемого явления, что определяет необходимость обращения к словарным дефинициям при рассмотрении основополагающих понятий.

В частности, толковые словари дают определение понятию «information warfare» как военной стратегии, направленной на создание неблагоприятной обстановки, в частности, путём вывода из строя компьютеров противника, управляющих жизненно важными функциями государства или отдельной фирмы, перехвата и искажения информации, внедрения вирусов, закладок и логических бомб. Термин используется как в широком, так и в узком смысле, когда говорится о направленной деятельности одного лица [Пройдаков 2011]. «Information warfare» синонимично понятию «info war» – (n) 1) another term for cyberwar 2) a propaganda war waged via electronic media [Oxford Dictionary 2010].

И.И. Завадский акцентирует внимание на необходимости информационной войны как главной составляющей современных военных действий между государствами [Завадский 1996: 9]. Стратегический ход информационной войны предполагает навязывание определённой идеологии и взглядов, которые подрывают национальное сознание целого народа [Ткаченко 2011: 8].

В данный момент воздействию информационной войны подвергаются миллионы мирных жителей. Информационная война – это распространение ложной или тенденциозно поданной информации по различным каналам ее передачи с целью конструирования определенной социальной реальности и формирования необходимого оттенка общественного мнения выгодного для субъекта воздействия [Вохрышева 2020: 88].

Различное применение термина «information warfare» в зависимости от области исследований и сферы использования обусловлено его многозначностью, что вызывает многообразие вариантов его перевода, что, в свою очередь, обуславливает не всегда корректный выбор варианта перевода и, как следствие, появление солидного количества трактовок понятия информационной войны.

Краткий обзор материалов, посвящённых исследованию информационных войн в различных отраслях знаний, продемонстрировал

многогранность изучаемого понятия, наличие дискуссий и споров в отношении сущности данного явления, правомерности использования предложенного термина в той сфере социальной коммуникации, которую принято называть информационным противоборством или конфликтом интересов в различных информационных областях. На наш взгляд, данный термин не получил всеобщего признания в отечественном научном сообществе ввиду общей научной неразработанности данной проблематики. Тем не менее, отметим, что в совокупности все предложенные определения информационной войны предельно однозначно и точно на прикладном уровне выделяют из многообразия существующих в современном социальном обществе многоуровневых отношений те общественные феномены и процессы, которые можно отнести к единому концепту «информационная война».

С точки зрения лингвистического подхода: «Информационная война – совокупность массовых коммуникативных практик, целью которых является воздействие (или противодействие аналогичному воздействию) посредством специфического употребления единиц языка на общность людей (географическую, этнографическую, конфессиональную, политическую, экономическую и т. д.) [Васильев 2016: 11].

Соответственно под дискурсом информационной войны следует понимать разновидность институционального дискурса, представляющий ряд коммуникативных событий и ситуаций, реализующихся непосредственно через тестовые сообщения. Отметим, что составляющими дискурса выступают как сами тексты, так и различные экстралингвистические факторы, играющие зачастую первостепенную роль для понимания и восприятия предложенной читателю информации: фоновые знания, ценностные ориентиры, события, участники, их социальные статусы и политические взгляды и др. На наш взгляд, дискурс информационной войны в данном случае является разновидностью медиадискурса с наиболее яркими и интенсивными проявлениями при освещении российско-украинского конфликта и обострении военного конфликта на международном уровне. Он реализуется посредством значительного количества медиатекстов интернет-версий международных агентств, сетевых изданий и т.д.

Дискурс информационной войны детерминирован множеством медиатекстов, являющихся своеобразным продуктом дискурсивной деятельности и реализующих обмен социально значимой актуальной информацией. Медиатексты заполняют своевременно медийное пространство и обладают рядом очевидных преимуществ: оперативность информации, широкая доступность, отсутствие ограничений по объёму публикации и времени работы сайта сетевой версии издания или агентства, возможность доступа к архивам значительной давности, функция поиска,

гипертекстовые ссылки, аудиовизуальная интерактивность. Наряду с явными преимуществами необходимо подчеркнуть тот факт, что презентуемые в дискурсе информационной войны сообщения практически невозможно верифицировать. В связи с этим на данный момент остро стоит вопрос о присутствии ложной, фейковой информации не только в блогах и социальных сетях, но и в материалах на страницах сетевых изданий и международных новостных агентств.

К средствам информационной войны относятся все средства передачи информации, начиная со слухов: «Передача новостей от одного к другому – самое опасное, а потому и самое лучшее средство...» [Людендорф 2015: 286].

Распространение ложной информации может иметь далеко идущие последствия. Некоторые исследования измеряли воздействие ложной информации в социальных сетях с точки зрения показателей участия пользователей, таких как число лайков, репостов и продолжительность до удаления использующихся для обмана фейковых новостей и слухов. В результате было обнаружено, что даже небольшая доля информационных историй действительно оказывает большое влияние – они лайкаются, распространяются и комментируются, кроме того, генерируют более глубокие каскады перефразирования, чем истинные информационные фрагменты, выживают в течение долгого времени и распространяются в Глобальной сети. Такое активное взаимодействие ложной информации с читателями свидетельствует о том, какое влияние она может оказать на общественное мнение и идеологическое восприятие.

С целью изучения и использования характеристик ложной информации для прогнозирования достоверности новых материалов были проведены значительные исследования. Используя текстовое содержание, временные особенности, рейтинги, ссылки, свойства пользователей, свойства сети, поведение распространения и смягчения последствий, были охарактеризованы обманы и фейковые новости. По этим характеристикам фальшивая информация значительно отличается от реальной. Например, текст, как правило, более длинный, преувеличенный и сдержанный по сравнению с реальными обзорами. Временные поддельные отзывы создаются короткими очередями, то есть несколько поддельных рецензий обычно пишутся одним и тем же аккаунтом или группой аккаунтов за короткий период времени. Пользователи, которые пишут эти фальшивые обзоры и обманы, как правило, являются относительно новыми учётными записями с меньшим количеством рецензий, а их локальные сети часто очень плотны или перекрывают друг друга. Кроме того, большинство фейковых новостей передается очень небольшим числом пользователей и быстро распространяется во время первого выпуска.

Результаты.

Процесс отбора новостей обычно обусловлен различными политическими, культурными и социальными причинами и может сопровождаться значительными изменениями изначального новостного материала. Следовательно, мир информации и новостей в любом случае субъективно оценивается и преломляется призмой авторской интенции. И здесь значительную, если не доминантную роль играет выбор языковых единиц, средств речевого воздействия. Новости, безусловно, не являются объективным проявлением реальности.

Речевое воздействие в языке прессы определяют как «воздействие информирующего органа на массовую читательскую аудиторию при помощи языковых средств и сопровождающих речь графико-визуальных средств для достижения поставленной адресантом цели» [Присяжнюк 2009: 206].

Грамотно используемые языковые средства обеспечивают эффективность воздействия медиатекста на потребителя информации. В связи с этим необходимо отметить явное присутствие в канве медиатекста такого явления, как языковое манипулирование, которое непосредственно внедряет в сознание реципиента заданные образы, формирует концепты и стереотипы, вызывает симпатию и антипатию.

По мнению А.А. Даниловой «под языковым манипулированием мы понимаем скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла и содержания речи» [Данилова 2011: 12].

К одной из специфических черт манипулятивного воздействия при освещении событий на Украине следует отнести широкое использование эвфемизмов и дисфемизмов в дискурсе информационной войны зарубежных медиа. Эвфемизм (от *euphēmía* – воздержание от неподобающих слов) – слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-л. причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его табуированности, традиционного неприменения или грубости, оскорбительности, невежливости и т.п.) [Большой толковый русского языка [http](http://)].

К прямо противоположному процессу относится процесс дисфемизации. Процессы эвфемизации и дисфемизации стали неотъемлемыми инструментами информационной войны при освещении военного конфликта на Украине. Использование данных лингвистических средств имеет явный манипулятивный характер, ещё более разграничивая дихотомию «свой-чужой», формируя заданную, порою не соответствующую реальности картину мира у реципиента. Под понятиями *эвфемизация* и *дисфемизация* в данном случае имеется в виду когнитивный процесс концептуализации заданной реальности, который,

проявляясь в дискурсе информационной войны посредством использования лингвистических механизмов, включая лексическую замену, композицию или инверсию, синтагматическую группировку или текстовое описание, позволяет автору в определённом «контексте» или в конкретной прагматической ситуации смягчить или, наоборот, усилить негативный эффект определённого понятия или события.

В дискурсе информационной войны на данный момент маркируется значительное количество эвфемизмов и дисфемизмов. Например: *24 invasion, the situation under control, in difficult conditions, a clear sign of failure for the enemy, take heavy casualties, suffer casualties, the international community, a fundamental task, gigantic work, difficult period* [Russian-forces-edge-closer-to-capturing-soledar [http](http://)].

К примерам дисфемизации следует отнести: *pro-Moscow separatists, separatist-held Ukrainian areas, Kremlin-controlled television networks, the Kremlin-funded RIA Novosti news agency, a separatist-controlled town, pro-Moscow rebels, pro-Kremlin Russians, the Donetsk separatist militias, Moscow-backed separatists, pro-Kremlin and ultranationalist organizations, all Russian murderers, inhumane aggression* [Why does ‘Putin’s chef’ want Ukraine’s Soledar so badly? [http](http://)].

В приведённых примерах использование эвфемизмов и дисфемизмов с целью манипулирования сознанием реципиента базируется в большей степени на лексической прагматике, нежели на лексической семантике, основываясь на интерпретационной функции при создании перлокутивных эффектов, которые контекстуально вызывает использование эвфемизмов у адресата.

Совершенно очевидно, что авторы современных медиатекстов используют эти два противоположных процесса для отражения событий, мнений, фактов относительно военных действий на Украине. Зачастую в одном медиатексте можно встретить материалы, в которых говорится об одном референте – деятельности ЧВК Вагнер – с различных идеологических позиций.

Дисфемизация ЧВК Вагнер: *The Wagner Group is shadowy and illegal, but it has been tracked to Ukraine, Syria, Libya, the Central African Republic, Mali, and elsewhere. It is known as a deadly fighting force of mercenaries with a goal of furthering Russia’s military interests around the world* [Inside the Wagner Group, Russia’s mercenary force [http](http://)].

Эвфемизация: *This combat task was successfully accomplished by the courageous and selfless actions of volunteers from the Wagner assault detachments,*” the defence ministry said [Zelenskyu mocks Russian forces fighting for ‘credit’ over Soledar [http](http://)].

Идеологические взгляды и политические предпочтения адресантов формируют представление об одних и тех же элементах (война на Украине,

противоборствующие стороны, международное сообщество) под противоположными углами зрения. В связи с этим возможно предположить прагматические и ценностные установки потенциальных реципиентов данных сообщений.

Таким образом, с одной стороны, авторы осуществляют отбор фактов для репрезентации «объективной» реальности в медиатекстах в соответствии с такими дискурсивными категориями, как идея, авторская позиция (или же точка зрения инициатора информационного воздействия) и др. С другой стороны, наличие нескольких точек зрения рассчитано на массового читателя, а привлечение различных, зачастую прямо противоположных приёмов воздействия подтверждает тот факт, что на сегодняшний день даже в дискурсе информационной войны «проблема адресата является наиболее сложной и наименее изученной в силу эфемерности параметров образа читателя» [Белоглазова 2004: 145].

Сегодня именно медиадискурс обладает самой большой потенциальной аудиторией и, воздействуя на массовое сознание, становится основным инструментом формирования и управления мыслительными процессами общества посредством контекстов, образов, языковых средств.

Дискурс информационной войны, являясь разновидностью медиадискурса, как никакой другой «гостеприимен» к созданию динамической системы, реализующей манипулятивные функции в конкретных коммуникативных ситуациях заданной тематики, а именно ведение боевых действий на Украине. Для выявления манипулятивной природы медиатекстов информационного дискурса рассмотрим некоторые приёмы информационного противоборства, анализ которых позволит раскрыть механизмы их функционирования и интерпретации в конкретных условиях реализации.

Одним из частотных приёмов языкового манипулирования является присутствие в тексте лексических средств, предполагающих создание семантического эффекта размытости и неопределённости там, где важна конкретика. Например: *NATO Secretary General Jens Stoltenberg has hailed recent pledges of heavy weapons deliveries from Western allies to Ukraine, saying he expected more “in the near future”* [NATO chief hints at more heavy weapons deliveries to Ukraine [http](http://www.nato.int/pr/spoken/other/2014/140814101.htm)].

Ввиду несомненной эклектичности дискурса информационной войны, важными в процессе манипулятивного воздействия в условиях заданной коммуникативной ситуации оказываются приёмы, направленные на изменение эмоционального фона в процессе ознакомления с информацией. Например, приём искусственной драматизации ситуации: *To bolster its ranks, Wagner has recruited as many as 40,000 convicts from prisons across Russia, according to estimates by western intelligence and*

Russian human rights groups. “The prisoners are used as cannon fodder, like meat. I was given a group of convicts. In my platoon, only three out of 30 men survived,” he said [Former Wagner Group commander who fled to Norway feared for his life http].

К приёмам, полностью или частично трансформирующим уже имеющуюся картину мира адресата путём внедрения новых знаний, можно отнести приём ложной увязки и ссылки на несуществующие основания (бездоказательная база, основанная на использовании несуществующих или несоответствующих действительности фактов и размытых источников). Например: *According to Reuters, the Kremlin has also stood by while the Wagner boss has flung sometimes profane criticism at Russia’s top brass, although some Western military analysts suggested the recent appointment of the most senior Russian general to lead the war in Ukraine was designed to balance Prigozhin’s influence. Despite its sometimes publicly strained ties with the Russian defence ministry, some Western military analysts suspect Wagner is closely affiliated with it [Zelenskyu mocks Russian forces fighting for ‘credit’ over Soledar http].*

Здесь уместно сказать о совокупном воздействии целого ряда приёмов. Приём использования солидного международного агентства в качестве источника для обоснования достаточно сомнительной и ничем не подтверждённой информации заставляет реципиента воспринимать получаемую информацию как достоверную. Далее чем абсурднее информация, тем более размытые источники: *some Western military analysts – западные военные аналитики* (перевод автора). Семантика глаголов *suggest, suspect* также предполагает некоторую двусмысленность и неопределённость. В приведённом выше примере говорится о возможной связи недавнего назначения в высших военных эшелонах РФ с возрастающим влиянием Е.В. Пригожина. Размытость источников, использование несоответствующих действительности фактов делает информацию маловерифицируемой, давая читателю возможность самому сделать соответствующие выводы, основанные на сомнительных умозаключениях автора медиатекста.

Подмена фактов для подтверждения необходимой автору точки зрения широко используется при освещении информации относительно обстрелов мирного населения на Украине. Например: *The death toll from a Russian missile attack on the central Ukrainian city of Dnipro has risen to 20, the regional governor said Sunday* (Размытый источник).

At least 73 people were injured, with four in intensive care, Valentyn Reznichenko, head of the Dnipropetrovsk regional military administration, said on Telegram (Нет упоминания России, но точная отсылка на источник информации).

On Saturday, the Russian forces against Ukraine's military command and control system launched a missile attack and energy facilities, Russian Defense Ministry spokesman Igor Konashenkov told a daily briefing on Sunday. "All assigned objects were hit. The targets of the strike have been achieved," he said (Ложная увязка) [Facts about Russia-Ukraine conflict: Deaths from Russia's attack on Ukraine's Dnipro rise to 20 [http](#)].

Воздействующий потенциал дискурса информационной войны реализуется с помощью целой палитры коммуникативных приёмов, детерминирующих точку зрения потенциального реципиента. Зачастую обилие применяемых тактик и приёмов способствует лишь дестабилизации психологического и эмоционального состояния реципиента, что не способствует рациональному осмыслению предложенного информационного контента.

К подобным приёмам можно отнести:

– приём осмеяния: *Zelenskyu mocks Russian forces fighting for 'credit' over Soledar* [Zelenskyu mocks Russian forces fighting for 'credit' over Soledar [http](#)];

– приём провоцирования конкретных эмоций (сопереживания, сочувствия, негодования, растерянности) в зависимости от отношения к референту: *In his message, Zelenskiy said: Thank you for the comprehensive assistance (эвфемизм) of Germany to Ukrainians. For the assistance that made our army stronger, for the financial support. I would like to express particular gratitude to the citizens of Germany for sheltering Ukrainians in this difficult period* [Summary of the day so far [http](#)];

– приём репрезентации частного как общего (единичного как правила): *"The lesson of Ukraine has taught us that the security of Europe and the Indo-Pacific are inseparable, " Kishida said* [Japan's Kishida says G7 should show strong will on Russia's Ukraine invasion [http](#)].

К одному из наиболее часто используемых лексических приёмов информационного противоборства следует отнести специфическое употребление синекдохи как разновидности метонимии. В медиатекстах дискурса информационной войны синекдоха используется с целью отождествления лидера страны с его народом, в связи с чем критика лидера может служить моральным оправданием развязыванию военной компании против государства. Например: *Vladimir Putin's troops, the Putin regime* [Summary of the day so far [http](#)].

Обсуждение результатов.

Использование вышеперечисленных приёмов оказывает значительное влияние на когнитивную базу реципиента, трансформирует его ментальные опоры, вызывая сильные чувства и эмоции. Например, гордости, одобрения в случае совпадения собственных идей и взглядов с

изложенной в медиатексте авторской позицией или раздражения, негодования, смятения в ином случае.

Несомненно, задействованный арсенал языковых средств манипулирования значительно способствует формированию определённой картины мира у реципиента. В связи с этим отбор фактов для репрезентации ситуации действительности в медиатекстах дискурса информационной войны имеет большое значение, так как автор создаёт сообщение на основе таких экстралингвистических категорий, как идеологическая установка, авторская позиция, (или же позиция редакционного сообщества), концепция издания и др.

Заключение.

Таким образом, манипулятивный потенциал медиатекстов, разворачивающийся в дискурсе информационной войны через интернет-платформы медийных агентств и изданий, в значительной мере зависит от выбора и использования языковых средств речевого воздействия посредством разного рода коммуникативных приёмов. К одной из важных особенностей следует отнести относительность семантических значений, выбор номинации которых зависит от политических, социальных или жизненных позиций адресанта.

Дискурс информационной войны в современной медиасфере отмечен значительной степенью смысловой размытости и недостоверности, которые обуславливаются преобладанием манипулятивной функции над информационной и достигаются рядом семантических, прагматических средств и коммуникативных приёмов.

Библиографический список

Белокурова Е.В. Еще раз об адресате и категории адресованности художественного текста // Текст – Дискурс – Стиль: Сборник статей. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 143-154.

Большой толковый русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 27.01.2023).

Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2(56). С. 10–16.

Вохрышева Е.В. Заголовки в англоязычных СМИ как фактор манипулятивного лингвокультурного влияния в информационной войне // Сфера культуры. 2020. № 1 (1). С. 87–97.

Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2011. 230 с.

Завадский И.И. Информационная война – что это такое // Защита информации. «Конфидент». 1996. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/3148030/> (дата обращения: 30.01.2023).

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 годов. М., 2015. 448 с.

Присяжнюк Т.А. Характеристика речевого воздействия в языке информационных газетных сообщений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 205-207.

Пройдаков Э.М., Теплицкий Л.А. Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию. 6-е изд., испр. и доп. 2011. 25800 словарных статей, около 70 тыс. переводов терминов. Computers (En-Ru) (к версии АБВУУ Lingvo x6). 853 с.

Ткаченко С.В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. 224 с.

Lind W., Nightengale K., Schmitt J., Sutton J., Wilson G. The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette. Oct. 1989. Pp. 26.

Oxford Dictionary of English. 3rd Edition. Oxford University Press, 2010 (к версии АБВУУ Lingvo x6). 2112 p.

Источники фактического материала

Facts about Russia-Ukraine conflict: Deaths from Russia's attack on Ukraine's Dnipro rise to 20 [Электронный ресурс]. URL: <https://english.news.cn/20230116/7fb3bbade896421d9796a16354c2ec13/c.html> (дата обращения: 26.01.2023)

Former Wagner Group commander who fled to Norway feared for his life [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jan/17/former-wagner-group-commando-fled-norway-feared-life-russia> (дата обращения: 30.01.2023).

Inside the Wagner Group, Russia's mercenary force [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/podcasts/2022/11/18/inside-the-wagner-group-russias-mercenary-force> (дата обращения: 23.01.2023).

Japan's Kishida says G7 should show strong will on Russia's Ukraine invasion [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/liveblog/2023/1/14/russia-ukraine-live-russian-missiles-hits-infrastructure-in-kyiv> (дата обращения: 18.01.2023).

NATO chief hints at more heavy weapons deliveries to Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/15/nato-chief-expects-more-heavy-weapons-deliveries-to-ukraine> (дата обращения: 27.01.2023).

Russian-forces-edge-closer-to-capturing-soledar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/12/russian-forces-edge-closer-to-capturing-soledar> (дата обращения: 18.01.2023).

Summary of the day so far [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2023/jan/17/russia-ukraine-war-live-7000-civilians-confirmed-killed-but-actual-toll-considerably-higher-says-un> (дата обращения: 17.01.2023).

Why does 'Putin's chef' want Ukraine's Soledar so badly? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/11/why-does-putins-chef-need-ukraines-soledar-so-badly> (дата обращения: 22.01.2023).

Zelensky mocks Russian forces fighting for 'credit' over Soledar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/14/zelensky-mocks-russian-forces-fighting-for-credit-over-soledar> (дата обращения: 23.01.2023).

References

Beloglazova E.V. Eshche raz ob adresate i kategorii adresovannosti hudozhestvennogo teksta // *Tekst – Diskurs – Stil': Sbornik statej.* – SPb: Izd-vo SPbGUEF, 2004. – S. 143-154.

Vasil'ev A.D., Podsohin F.E. Informacionnaya vojna: lingvisticheskiy aspekt. *Politicheskaya lingvistika*, 2 (56), 2016. – S.10–16.

Vohrysheva E.V. Zagolovki v angloyazychnyh SMI kak faktor manipulyativnogo lingvokul'turnogo vliyaniya v informacionnoj vojne // *Sfera kul'tury*. 2020. No 1 (1). S.87–97.

Danilova A.A. Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoy informacii. M., 2011. – 230 s.

Zavadskij I.I. Informacionnaya vojna – chto eto takoe // *Zashchita informacii.* «Konfident». 1996. № 4. URL: <https://studfile.net/preview/3148030/> (дата обрaщения: 30.01.2023).

Lyudendorf E. *Moi vospominaniya o vojne 1914-1918 godov.* M., 2015. – 448 s.

Prisyazhnyuk T.A. Harakteristika rechevogo vozdejstviya v yazyke informacionnyh gazetnyh soobshchenij // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2009. № 2 (4). S. 205-207.

Projdakov E.M., Teplickij L.A. *Anglo-russkij tolkovyj slovar' po vychislitel'noj tekhnike, Internetu i programirovaniyu* (Shestoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe), 2011. 25800 slovarnyh statej, okolo 70 tys. perevodov terminov. *Computers (En-Ru)* (k versii ABBYY Lingvo x6).

Tkachenko S.V. *Informacionnaya vojna protiv Rossii.* SPb.: Piter, 2011. 224 s.

BTS – Bol'shoj tolkovyj russkogo yazyka. Gl. red. S. A. Kuznecova. *Pervoe izdanie:* SPb.: Norint, 1998. 1534 s. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обрaщения: 27.01.2023).

Lind, W., Nightengale, K., Schmitt, J., Sutton, J., Wilson, G. (1989). *The Changing Face of War: Into the Fourth Generation*“, *Marine Corps Gazette*, Oct. 1989, pp. 26.

Oxford Dictionary of English, 3rd Edition, Oxford University Press, 2010 (к версии ABBYY Lingvo x6).

Facts about Russia-Ukraine conflict: Deaths from Russia's attack on Ukraine's Dnipro rise to 20 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://english.news.cn/20230116/7fb3bbade896421d9796a16354c2ec13/c.html> (data obrashcheniya: 26.01.2023)

Former Wagner Group commander who fled to Norway feared for his life [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jan/17/former-wagner-group-commando-fled-norway-feared-life-russia> (data obrashcheniya: 30.01.2023).

Inside the Wagner Group, Russia's mercenary force [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.aljazeera.com/podcasts/2022/11/18/inside-the-wagner-group-russias-mercenary-force> (data obrashcheniya: 23.01.2023).

Japan's Kishida says G7 should show strong will on Russia's Ukraine invasion [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/liveblog/2023/1/14/russia-ukraine-live-russian-missiles-hits-infrastructure-in-kyiv> (data obrashcheniya: 18.01.2023).

NATO chief hints at more heavy weapons deliveries to Ukraine [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/15/nato-chief-expects-more-heavy-weapons-deliveries-to-ukraine> (data obrashcheniya: 27.01.2023).

Russian forces edge closer to capturing Soledar [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/12/russian-forces-edge-closer-to-capturing-soledar> (data obrashcheniya: 18.01.2023).

Summary of the day so far [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2023/jan/17/russia-ukraine-war-live-7000-civilians-confirmed-killed-but-actual-toll-considerably-higher-says-un> (data obrashcheniya: 17.01.2023).

Why does 'Putin's chef' want Ukraine's Soledar so badly? [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/11/why-does-putins-chef-need-ukraines-soledar-so-badly> (data obrashcheniya: 22.01.2023).

Zelenskyy mocks Russian forces fighting for 'credit' over Soledar [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/14/zelenskyy-mocks-russian-forces-fighting-for-credit-over-soledar> (data obrashcheniya: 23.01.2023).